

18+

Виолетта Новикова

Ласковое лето

Сборник рассказов

Виолетта Новикова

Ласковое лето.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68955057
ISBN 9785005973535

Аннотация

В сборник «Ласковое лето» входят рассказы о девушке-студентке и ее друзьях, живущих на даче во время каникул. Короткие истории повествуют о первых свиданиях и неудачах, смешных и элегичных моментах. Вам понравится и «Дневник издавшего виды туриста», в котором с легким юмором описана спонтанная поездка под лозунгом: «Галопом по Европам». Также читайте «Свидание двух созвездий» – первую книгу автора, в которой есть совет прекрасным девушкам держаться на безопасном расстоянии от мужчин-хищников.

Содержание

Ласковое лето	5
Ну в последний раз, пожалуйста!	5
Егор и наши «погремушки»	13
Звезды над кочегаркой	28
Тайная агентура и хлам из чулана	45
Мечтай, энгони. Мечты сбываются	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ласковое лето

Сборник рассказов

Виолетта Новикова

© Виолетта Новикова, 2023

ISBN 978-5-0059-7353-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ласковое лето

Ну в последний раз, пожалуйста!

У моей сестры был восхитительный летний костюм из дорогого лилового шелка – летящая юбка солнце-клеш и нарядная блуза с воротником стоечкой. Манжеты пышных рукавов и линия застежки были украшены крошечными жемчужными пуговками. Она сама сшила этот ансамбль со свойственным ей энтузиазмом и любовью ко всему легкому и элегантному. Прохладный тонкий шелк струился и переливался при любом движении, завораживая необычайным блеском. От «произведения искусства» я не могла отвести взгляд, когда сестра впервые мне его показала, ведь к моим темно-каштановым волосам и зеленым глазам удивительно шли любые оттенки фиолетового – от нежно сиреневого до пурпурного.

Проснувшись ранним утром от ласковых лучей солнца, щекотавших мне веки, я подумала: «Отличная погода. Неплохо бы поехать сегодня к Нинке, от нее спуститься на пляж, а там вместе поплавать и позагорать».

Моя шустрая и смешная подружка Нинель жила в небольшом курортном поселке, расположенном в тридцати минутах езды от города. С балкона моей подруги на девятом эта-

же можно было часами любоваться черепичными крышами старых домов, зеленью приморского сада и синевой бескрайнего моря. Вид сверху был настолько восхитительным, что изредка приезжая в гости к Нинке, я хватала краски, кисти и бумагу, усаживалась в плетеное кресло на балконе и пыталась изобразить загородный пейзаж в спонтанном художественном порыве. Картину, на которой мне удалось запечатлеть склон горы, крыши домов и часть морского залива на закате, я подарила Нинке на долгую память, а она сохранила красочный пейзаж и спустя годы мне его преподнесла как артефакт нашей дружбы.

Задумав поехать прямо с утра к подруге, я попросила у своей сестры ее лиловый костюм-двойку, чтобы фасонисто выглядеть в удобной обнове.

– Не дам, – коротко бросила мне сестра, занятая приготовлением завтрака.

– Ну дай, – канючила я, – ну, пожалуйста!

– Не думаю, что это хорошая затея – ехать за город и идти с Ниной на пляж, тем более в моем костюме. Мне не нравится твоя боевая подруга, – заметила сестра.

– Зато с ней не скучно и прикольно, – заступилась я за Нинель. – В последний раз, можно? Обещаю, что больше я летний костюм никогда не попрошу.

– Ну хорошо, – смиловилась «государыня», – но только в последний раз. И если тебе так приспичило уехать, то возвращайся поскорее, мне нужна твоя помощь.

– Да-да, – поспешила я ее заверить. – Мы быстро, туда и обратно. На пару часиков сбегает с подругой в море окунуться и сразу домой. А костюмчик верну тебе как новенький, не беспокойся.

– Да я и не беспокоюсь. Смотри только не порви его. Знаю же, что будете по камням лазить с Нинкой. Там в поселке и пляжа-то нормального нет, одни камни да валуны.

– Ничего, мы осторожно.

На ходу схватив с тарелки блинчик и забросив в холщовую сумку полотенце, я быстро ретировалась, пока сестра не передумала и не вернула меня. В результате я взяла у нее только нижнюю часть костюма, а майку надела свою. Тем более, что день намечался жаркий и в блузе с длинными рукавами мне стало бы душно во время поездки. В реющей на ветру и блестящей на солнце юбке, я быстро добежала до остановки, а оттуда рейсовым автобусом добралась до поселка, где жила Нинка. Подруга была уже во всеоружии, встречая меня в соломенной шляпе на голове и солнцезащитных очках на смешном облупленном носу. В руках она держала полотенце и маску для ныряния, а на ногах у нее были шлепки-сланцы, которые летом продавались во всех палаточных магазинах, жутко неудобные, кстати. Мы обменялись приветствиями и тут же помчались вниз к морю по известным только нам тропинкам. Я старалась сберечь роскошную юбку, поэтому чуть отставала от Нинки и ступала по тропе как можно осмотрительнее.

– Как поживаешь, Красотка? – на ходу поинтересовалась Нинель. – Кстати, очуменная юбка! Где взяла?

– Где взял, где взял – бутылки сдал, – рассмеялась я, – Юбку мне сшила одна искусная мастерица.

– А что там в городе? Как делишки как детишки?

– Своими еще не обзавелась, ты знаешь, воспитываю племянников, – отшутилась я. – А в городе, как всегда, всё пучком: отдыхающие отдыхают, а местные работают.

– Я пригласила ребят, чтоб присоединились к нам. Позволила им вчера вечером и пообещала сытно накормить после купания – сказали, что приедут.

– И кого позвала? – живо поинтересовалась я.

– Ну, как всегда, Красотка, ты что ли не знаешь? Костика, Егора и Пашу Бушу. У Кости есть Жигули девятка и с ним приедут все, кто сможет, – добавила она.

– Нет, они не приедут, – сказала я, а Нинель аж притормозила на ходу и удивленно спросила:

– Это почему же?

– Потому что сегодня утром я слышала сквозь сон, как ребята куда-то собирались, громко двигали стульями и топали как слоны. Спозаранку не дали мне поспать. Ты не забывай, что парни живут прямо над нами, на верхнем этаже, откуда каждый звук слышен, а тем более, когда такая толпа по головам ходит.

– Интересно, куда они собрались? Вроде бы мой папа на сегодня планировал выходной.

– Думаю, они все же уехали, раз так активно двигались с утра, а ты, выходит, не в курсе?

Нинок пожалала плечами – в этот раз она что-то пропустила. У ее отца был грузовик, который перевозил крупные кирпичи из ракушечного карьера на строительные площадки, а помощники загружали «ракушку» в машину, получая оплату в долларах, что в то время считалось шиком. Праздная молодежь и студенты на каникулах, вроде нас с Нинкой, смотрели на работающих как на успешных предпринимателей, а парни никогда не скупились – покупали для всей компании лакомства к чаю, водили девушек в кафе и нередко приглашали на видеофильмы в кинозал по соседству.

Мы дружили одной большой компанией, вместе ходили гулять по набережной, иногда выезжали за город на мотоциклах и авто. Вечерами любили поиграть в футбол и волейбол, а потом дружно шли на пляж купаться в теплом и спокойном море. Таким было наше яркое, полное задора и энергии лето.

– Ну вот мы и пришли. Ох, как жарко! – воскликнула Нинка, и вскарабкалась на высокий волнорез. Моя подруга быстро скинула шлепки, запихнула майку, шорты и солнечные очки в свою огромную шляпу и, чуть присев, дельфинчиком нырнула в воду. Море было волшебным, оно шептало нежные слова и шелестело, обнимая ласковыми волнами, как руками, каменные валуны. Я аккуратно спрятала шелковую юбку под матерчатой сумкой, сверху разложила поло-

тенце и прыгнула в воду вслед за подругой. Жара усиливалась, а море было прохладным и приятным. Мы брызгались и резвились, но одним глазком я не забывала следить за вещами, тем более, что мое полотенце белело на высоком сером камне, и мне было отлично его видно.

Людей в море и на берегу было не много – кто-то загорал, а кто-то плавал. Мне помнится, недалеко от нас крутился мужик, он бродил между камнями и что-то собирал, может мидии, а может золото древнего Пантикапея, кто его знает? Я плавала, наслаждаясь морской прохладой, и за бродягой не следила. Вволю накупавшись, мы с подругой вскарабкались на волнорез и очень удивились, не обнаружив там полотенца и одежды. Наши вещи были сброшены кем-то в воду, и Нинке пришлось изрядно понырять, чтобы достать со дна пляжные принадлежности. На сушу были доставлены две пары шлепанцев, размокшая соломенная шляпа, белое полотенце, солнцезащитные очки, моя матерчатая сумка и в ней нетронутый кошелек, короткие Нинкины шорты и обе наши майки. Но чудесной, новенькой, парящей на ветру юбки, пусть даже и мокрой, среди вещей не оказалось. Мои глаза наполнились слезами.

– Что же делать, Нинка? Что я скажу сестре? – хныкала я. – Обещала в последний раз взять ее вещь. – Что? В последний раз? Я остановилась на полуслове и до меня дошел смысл сказанного. Вот так значит? Своими словами яму вырыла. Лиловую юбку от костюма-двойки мы видели в послед-

ний раз сегодня перед купанием и, вероятно, никогда больше не увидим.

– Давай еще нырять! – с энтузиазмом вскричала Нинка. – Может ее сдуло ветром и она на дне лежит.

– Не стоит, – потухшим голосом ответила я. – Нырять больше не нужно, вода прозрачная, и так всё видно. Нет ее там, на дне.

Пройдясь по валунам туда-сюда, мы поняли, что зря теряем время и молча побрели домой в мокрой одежде. Нинка натянула на голову свою шляпу с полями, уныло провисшими соломенным жмыхом, а мне в утешение дала темные очки, чтобы солнце не резало мои заплаканные глаза. Мы молча карабкались по тропинке вверх в сторону дома, а потом Нинель стало скучно и она попыталась меня развеселить. Фантазия выдумщицы бурно разыгралась:

– А представь, сейчас тот мужик, что возле нас крутился, идет по поселку с голым торсом, весь облепленный тиной и мидиями, и радуется удачному «улову». Вот, говорит, какую я юбку красивую у девок отжал! Будет чем перед товарищами похвастаться. Нет, ну ты посмотри на него – кошелек не взял, на деньги твои не позарился, а юбку девческую спиионерил. Вот потеха!

Я прыснула со смеху, живо представив себе ловца мидий, бредущего по поселку как абориген. В моем воображении он шел по камням босой, волосатый, с бусами из ракушек на грязной шее и в моей лиловой юбке. А вот мне самой

пришлось обернуть хорошо отжатое полотенце вокруг талии и через весь поселок, делая вид, что так было задумано, такая нынче мода, идти домой.

Верхнюю часть от костюма мне потом сестра сама подарила и даже не сильно ругала за потерянную юбку. Я долго носила лиловую блестящую блузу, составляя новые ансамбли с юбками и брюками, и она оставалась моей любимой еще много лет.

Егор и наши «погремушки»

Клички всем раздавала моя подруга Нинка Кислова. Она делала это метко и остроумно, как говорится, не в бровь, а в глаз. Как будто дарила человеку новую фамилию вместо старой. Ну, например, я спрашиваю у Нинки:

– Какой Саня тебя в кино пригласил? – а она отвечает:

– Саня-У, – и мне сразу становится понятно, о ком идет речь, потому что другого Сани-У в нашей местности нет.

– А почему ты дала ему прозвище «У»? – продолжаю допытываться.

– Потому что он увалень.

– А почему увалень? – никак не унимаюсь я.

– Потому что ходит вперевалочку, всё делает не спеша и даже думает медленно.

Я, как и Нинка, давно уже заметила, что сначала Саня внимательно к человеку присматривается, минуты две-три хранит молчание, а потом только здоровается, когда тот уже отчаялся что-либо от него услышать.

– Вот ты ему, к примеру, говоришь: «Здравствуй, Саня!». А он тебе: «У!» и тишина, – продолжает Нинель объяснять придуманную ею кличку. – Паузу выдерживает, как актер в театре. «Привет, Нинка», потом уже скажет, когда я отойду от него метров на пять. Смотрит мне в спину и, похоже, думает: «А достойна ли вообще эта Нинка, чтобы я с ней

здоровался?» – Вот какой он, наш Сашка Увилин, сам себе на уме.

Интересно было наблюдать за ним, когда Александр впервые влюбился. Для себя он решил: любовь – это всерьез и надолго. Сашка жил в том же доме, где и моя сестра, но только на нижнем этаже. Он стал частенько захаживать к нам в гости, чтобы позвонить своей подруге, с которой недавно познакомился. Телефон стоял у нас в прихожей, поэтому своими разговорами парень никому не мешал. Вот придет, бывало, Саня, сядет на тумбочку у двери, наберет номер своей любимой и ждет. Поздоровается с ней: «Прииии-вееет!» Не спеша здоровается, растягивая слово приветственное. Она ответит ему и потом воркует, воркует с ним, не останавливается часа два. А он ей в ответ свое коронное – «У!» и опять молчит. Слушает ее веселый щебет, улыбается блаженно. Потом Саня так и женился на девочке той задорной и симпатичной. Было заметно, что ее говорливость и резвость компенсируют его сдержанность и медлительность.

А еще, к примеру, наш общий друг Егор Беров – ведь рассмотрела же хулиганка Нинка, подметила, что у человека зубы штакетником выстроены. Всем глаза открыла – у Егорки зубы шифером, Егор – Бобер. Из девчонок никто не замечал за ним недостатков. Все, наоборот, красавчика боготворили и талант его восхваляли. Еще бы! Неплохо поет парень, солирует в инструментальной группе, играет на синтезаторе, мускулатуру качает, чтобы отлично выгля-

деть, и рассказывает всем, какой он успешный. Голос у молодого человека приятный, глаза томные, сам высокий, крепкий и загорелый. Брюнет к тому же! Ну чем не мечта всех девушек? А для Нинки Егор – Бобер, весело ей. Смеется над парнем и красоты его не замечает. Не берет ее магия зеленых глаз, обрамленных густыми ресницами.

Егорка хоть и красавчиком был, но воспитанием явно не блистал и тактом не выделялся. Соберет, бывало, девчонку вокруг себя и давай на «клаве» играть и песни трогательные петь: «Не найти здесь людям рая...» О несчастной любви поет, глаза прикрывает и мечтательно улыбается. А сам фальшивит безбожно, будто на гребне волны в ноты въезжает, но всё равно в них не попадает. Я-то как музыкант разбираюсь в полутонах, однако сижу с девчонками рядом и сама его пением заслушиваюсь. Распознаю я и лажу в аккордах, но молчу, внимаю песне как и другие девушки, потому как красив, каналья! И как сморозит какой-нибудь глупый афоризм наш «каналья», аж неловко за него становится. Или, бывает, воздух подпортит громко. Девчонки все визжат, руками машут, носы затыкают и дурачком Егорку называют, а он в ответ хохочет, от радости аж похрюкивая.

К мальчишкам в гости мы бегали на третий этаж. Ну, я уже рассказывала, что молодые люди там живут общежитием – все те, кто ездит на работу с Нинкиным папиком, и еще те, кто не местный, а иногородний, Егорка в их числе. Он никогда себя с приезжими не ассоциировал, а говорил всем,

что родился и вырос здесь, так что мы, коренные жители, всегда считали его своим. Как-то раз моя подруга Ирина уличила Егора в том, что он не местный. А он так выразительно глянул на нее и с гордостью сказал: «Девочка, тебе не мешало бы подучить мою биографию!»

И действительно, почему бы в школьные учебники наряду с биографиями великих людей, писателей, например, художников или поэтов, не включить заодно летопись жизни и творчества Егора Бероева? Вот ведь у человека какое самомнение!

Поднялась я на этаж, где ребята живут, чтобы Егорушку проведать – услышала звуки клавишных, сидя у себя дома на втором этаже, и решила зайти к нему на огонек, пение его «ангельское» послушать. В тот день все уехали на заработки грузить кирпич. На ракушку, как они здесь говорят, а это чудо видать проспало, да и зачем работать, если можно с утра хорошо выспаться и заняться любимым делом.

Я стучусь в дверь, прохожу в гостиную и вижу, что никого из парней на этаже нет, только один Егорка за Коргом сидит (тогда это были самые крутые клавиши) и песню свою любимую напевает: «Не найти здесь людям рая» и че-то там, че-то там. Смысл у песни такой, что жизнь коротка, и не встретить нам на планете Земля ни любви, ни счастья. Так и не знаю, сам он эту композицию сочинил или нет, но она будто срослась с ним, и он представлял ее как свою.

– Егор, ты давно не спишь? – спрашиваю парня. – А я,

представь, услышала музыку и решила зайти. Может кофе будешь? Я вот и печенье тебе принесла.

– А, это ты, Красотка? Ну заходи, не бойся, – приветливо заулыбался Егорка и потянулся за тарелкой, – Кофе буду и печенье тоже.

«Заходи – не бойся, выходи – не плачь» – так у нас в компании говорят, а Красоткой меня парень назвал на Нинкин манер. Она у нас сильна была всем «погремушки», то есть клички раздавать. Я – Красотка Мэри, это Нинка однажды кино про Мэри Поппинс посмотрела и решила, что я похожа на главную героиню. Костик – Челюскин, либо коротко – Челюсти, моей подруге нравился фильм о белой акуле-монстре и она решила, что у Костика челюсти тоже достойны описания. Фантазия у девчонки нехилая! Пашка Бушкевич, а значит, Буш – в честь президента заокеанского, либо коротко – Паша Буша, чтобы складно звучало. Вообще, Нинка с рифмой не особо дружила, но всё же стихи писать старалась и даже короткие четверостишия про ребят из нашей компании сочиняла. Между собой парни называли ее Нинок – острый язычок, потому что девчонкой она была язвительной и остроумной, дразнила мальчишек и спуска им не давала. Смелой Нинель была, как пацанка, моя сестра это давно уже заметила и мне сказала.

Нинка-Кислинка, производная от ее фамилии, Кислова, без дела никогда не сидела. То эпиграмму колкую сочинит, то книгу умную прочтет, то в кино сбегает. Были тогда ви-

део-салоны, куда вечером можно было пойти с друзьями и фильмы иностранные посмотреть: боевики, комедии, ужа-сы и мультики. Больше всего Нинель любила смотреть «ужа-стики» и по-ночам нам их в подробностях пересказывала. Специально так делала, чтобы страху на девчонок нагнать и чтоб мы потом спать боялись. Ребята наши удивлялись, что за любовь у Нинки такая странная к фильмам ужасов? Она эти фильмы с ночи и до утра могла смотреть, как комедии их воспринимала, в нужных местах громко вскрикивала, а потом хохотала до упаду, всем в кинозале мешала экранных оборотней и чудовищ бояться.

О чем я с вами говорила? Даже мысль потеряла, потому что на Нинку отвлеклась. Помню, что Егора она почему-то невлюбила. Видно, рассмотрела в нем не самое лучшее качество, которого другие не видели. И очаровать Нинку у него никогда не получалось, не то что с остальными девчонками, с теми-то все его сентиментальные штучки на ура проходили.

Прошла я в гостиную, выпили мы с Егором по чашке кофе с печеньем, пообщались немного на разные нейтральные темы, и я попросила его спеть что-нибудь из собственного репертуара, только не слишком печальное. Он заиграл бравую мелодию, а я удобно устроилась за столом, подперев голову рукой и мечтая о дальних далях и неземной любви, всё как в его песне про потерянный рай. А музыкант уже следующий напев затянул и обаяние свое на меня направил, пы-

таясь очаровать.

«Вот ведь, — думаю, — как страдает человек от любви неразделенной, какие песни грустные поет. Нет счастья в его жизни беспросветной. А вот если бы встретилась ему на пути девица красная, влюбилась в образ его светлый, подставила Егорке плечико свое хрупкое, глядишь, жизнь и засияла бы яркими красками». Я аж слезу набежавшую салфеточкой смахнула, представив себе, как Егорушка на хрупкое девичье плечо опирается, словно раненый в поле боец. Тут сердечко мое к болезному и потянулось, не выдержало песен печальных. Так талантливо была сыграна Егором роль одинокого путника, что я чуть было не повелась на его харизму. Но бог миловал меня в то лето иметь хоть какие-то отношения с кумиром всех местных девушек, Егором Бероевым. А через несколько лет после нашей романтической встречи, неотразимый певец, музыкант и покоритель сердец женился на девочке из своего города и увез ее далеко за океан. Жена родила ему очень красивых детей, мальчика и девочку. Милые такие детки и одаренные.

Егор разыскал меня в штате Вашингтон. Он уже слыл успешным коммерсантом и позвонил мне, чтобы встретиться и рассказать о своем бизнесе. Примечательно то, что Егор Борисович всегда работал так, чтобы не работать. Ну певец же, музыкант же, который в музыкальной школе никогда не учился. Зачем ему на обычной работе спину гнуть, если можно при помощи махинаций разные схемы проворачивать.

вать и большие деньги получать? И кстати, с девочкой той, с которой они еще совсем молодыми поженились, он недавно развелся, называя ее «хабалкой», «колхозницей» и «ночной феей». Хотя, как эти три характеристики могут стоять в одном логическом ряду, мне непонятно.

Много лет прошло с того момента, как мы с Егором сидели наедине в пустой комнате и душевно разговаривали. Теперь мы взрослые состоявшиеся люди и оба с разводом за плечами, а сюжет из прошлого повторяется с точностью до мелочей. Егор снова сидит напротив меня за столиком, пьет ароматный кофе арабику и делится рассказами о своей трудной судьбе музыканта и обиженного экс-мужа.

Приглашая меня в кафе по телефону, он намекнул, что якобы хочет сделать мне интересное предложение, от которого я, вероятней всего, не откажусь. При встрече Егор одарил меня парой банальных комплиментов, признав что я заметно похорошела и помолодела, как будто раньше я была некрасивой и старой. Потом восхитился моим внешним видом, сказав, что выгляжу шикарно на все сто. Но после выпитой чашки кофе, которым, кстати, я его опять угостила, сорокалетний мужчина меня неприятно удивил.

– Ты меня обыграла, Красотка. Я всегда знал, что ты не такая, как все, – с грустью в голосе сообщил он.

– Ты гордая и амбициозная, – сказал и повторил, как будто одного раза было мало, – Ты меня обыграла.

– Почему я гордая? И как можно тебя обыграть? – не по-

няла я.

– Обыграла и перепела, – уточнил он, задумчиво глядя в глубину своей кофейной чашки. – Ты слишком часто выпускаешь новые диски, а я тоже талантливый, и это мои песни должны крутиться в эфире.

К тому моменту я уже подготовила со своим музыкальным продюсером два авторских альбома и продолжала записывать популярную музыку и песни. Еще в юности я брала частные уроки у известного джазового музыканта, чтобы аккомпанировать на клавишных и на гитаре в молодежном ансамбле, а Егор так и жил в своем иллюзорном мире, мечтая всех переиграть и перепеть. Ведь это он у нас в компании был звездой, только всё его творчество – единственная песня, которую Егорушка всю жизнь поет на свадьбах у друзей.

Почему я так много внимания уделяю именно Егору? Думаю, из моих рассказов вы и сами догадались, что когда-то в юности этот симпатичный паренек был мне небезразличен. Он как будто прилетел к нам с другой планеты, таким был неотразимым и загадочным. Да-да! Как и остальные девчонки из нашей компании, я была очарована колдовством его глаз и томными серенадами. Был в нем какой-то невероятный магнетизм. И только на Нинку морок почему-то не распространялся, не брал ее гипноз. Вот она, бывало, и высмеивала мою слабость к неотразимым людям, в частности, к Егору:

– Красотка, ну ты посмотри на себя! Где ты, а где твой

любимый Бобер? Ты же намного красивее и талантливее, а у него глаза косят в разные стороны. Из-за его косоглазия девчонки думают, что он им строит глазки. И зубы у него штакетником, редкие. Ну подумай хорошенько, зачем он тебе? Он же рассказывает про себя крутые небылицы, врет и глазом не моргнет, а ему все верят, – приводила веские доводы Нинель в свое время.

– Но зато как рассказывает! – не сдавалась я, – Какая уверенность, какой посыл! И поет душевно, въезжая в ноты издалека, такому стилю нужно еще поучиться.

– А мне нравится, что ты с него прикалываешься. Значит, всё не так безнадежно, и Егоркина харизма на тебя уже не действует, – смеялась с меня Нинка.

– Еще как действует! Сама не понимаю, как и когда он ее включает и направляет на объект. Вроде бы совсем обычный парень, и порой ведет себя как болван – куражится, насмехается над всеми, а потом улыбнется своим щербатым ртом, и все девушки «сами собой в штабеля укладываются».

И сидит сейчас этот «харизматичный» мужчина передо мной за столиком в кафе, с остатками былой красоты на лице, сединой на висках, наметившимся пивным животиком и снова распыляется, какой он предприимчивый, успешный и востребованный. Ведь МЛМ, где Егор Борисович сейчас продвигает какие-то товары и услуги – детище самого мистера президента. Говорит, что с основателем компании он на короткой ноге, что каждый день они рукопожатиями об-

мениваются. И тут же, не отходя от кассы, жалуется мне Егорка, что бывшая жена хотела его до нитки ободрать, какая же она все-таки меркантильная.

С его слов, бывшая хотела отжать у него драгоценный бизнес, и откусить огромный кусок совместно нажитого имущества, так что ему даже пришлось нанять адвокатов. Нет, не так. Он сказал мне, что вынужден был нанять «целую адвокатскую контору», чтобы не платить алименты на детей и не дать «мошеннице» и «хабалке» обвести вокруг пальца честного человека. Чтобы им, то есть жене и детям, ни цента не досталось! С какой стати он будет сорить деньгами, с таким трудом им добытыми.

«А ничего, что это твои дети?» – с горечью думаю я. – «Да-а, Егорушка, я была о тебе лучшего мнения, даже не знала, какой ты коварный. Как же я в тебе ошибалась!»

Кстати, предложение в тот день Егор мне сделал, но не такое, о каких пишут в любовных романах. Это было приглашение подписаться в его «супер-мульти-мега» маркетинговую компанию, став компаньоном фирмы, которая распространяет непонятно что и находится непонятно где.

«Пора уже выходить на новый уровень и жить на полную катушку. Куй железо, пока горячо!» – внушает мне коммерсант, фанатично чертя рукой в воздухе какие-то схемы и возбужденно рисуя на листе бумаги множество стрелок, кругов и треугольников, – «Это нормальное восприятие современного бизнеса и вполне реалистичные планы на будущее.

В перспективе я вижу себя мульти-миллионером и правой рукой главы компании, а кем видишь себя ты?».

Если честно, из его пламенной речи я ничего не поняла. Куда выходить и зачем что-то ковать, обманывая при этом других людей? Терпеливо выслушав весь концерт по заявкам и просмотрев драматический спектакль, где единственный актер играет свою лучшую роль, я решила отвлечь его от дифирамбов в собственную честь и переключить внимание «успешного бизнесмена» на другую тему.

Вы меня, вероятно, спросите: «Интересно, за что ты ненавидишь этого безобидного, в общем-то, человека?» А я вам отвечу: «К героям моих рассказов я отношусь одинаково ровно, и даже в какой-то мере люблю их всех. Только кого-то больше, а кого-то меньше. Эти люди – часть моего жизненного пути, все они – персонажи моего радостного детства и беззаботной юности. С ними я росла и нам было весело и интересно проводить дни нашего бесконечного лета. Сегодня я как сторонний наблюдатель смотрю на их жизнь, анализирую и делаю выводы. У каждого из нас есть свой собственный путь и уникальный неповторимый характер, который практически не меняется на протяжении многих лет. И если человек с юности был хорошим, он таким же достойным и останется до конца своих дней. Человек узнается по поступкам, а не по тому, что он о себе говорит. Я ценю всех людей и дорожу каждым персонажем, как бы ни был он плох или хорош».

– У тебя есть девушка? – спросила я, памятуя, что Егор недавно развелся, и уводя его от темы «успешного успеха».

На Егоркином лице снова, как в юности, появилась загадочность и весь он как будто подобрался и просиял. Или мне только показалось, что у него нимб над головой засветился, что за наваждение? Опять за свои старые проделки взялся – людей очаровывать. Взгляд Егора затуманился и он задумчиво посмотрел чуть выше моей переносицы, в то место на лбу, где индусы изображают третий глаз. Чувство было такое, будто он читает мои мысли. Я невольно вздрогнула, и тут он заговорил. Видимо, всё же решился рассказать мне о той идеальной, с которой у него сейчас романтические отношения.

– Девушка есть, – воодушевленно начал Егор. – Мы познакомились с ней на бизнес-конференции, на одном из ежегодных мероприятий, проводимых нашей корпорацией.

«Под предводительством Того Самого мистера президента! Как же, помним-помним», – усмехнулась я про себя.

– Она намного моложе меня и очень хороша собой. Чем-то напоминает мою родную сестру, ты ее знаешь? – уточняет влюбленный.

Я кивнула в ответ и подперла подбородок ладонью, мол, продолжай, я тебя внимательно слушаю. Это воодушевило моего собеседника еще больше.

– Я, Егор Беров, буду считать себя проигравшим, если не завоюю ее сердце в самый короткий срок. На данном этапе

она от меня убегает, но посмотрим, кто быстрее. Я догоню ее и влюблю в себя! Или я буду не я!

Уже не в первый раз за время нашего разговора у меня по телу пробежали мурашки и очень захотелось выйти. Я удивленно подняла брови.

– Она сбежала от меня аж на Гавайи, думала, уйдет, – продолжал он. – А я подключил тяжелую артиллерию в лице моих и ее родственников, и даже священника на свою сторону привлек. Ее папаша не хотел, чтоб молодая девушка встречалась с разведенным, у которого есть дети, бывшая жена и алименты. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить ее семью в том, что только я могу сделать жизнь их дочери похожей на сказку. Я тот единственный, кто может подарить ей бесконечное счастье и незабываемые чувства.

– Мне пожалуй пора, – разговор стал мне неприятен и я встала, чтобы уйти. – Прости, Егор, но через 15 минут мне необходимо быть в другом месте. У меня запланирована важная встреча.

– Ну хорошо, думаю, мы с тобой еще пересечемся, – ответил он, удивившись моему желанию срочно удалиться. – Я передам твои контакты моему секретарю Снежане и вы с ней обсудите все нюансы сотрудничества.

– Отлично, – я была согласна на всё, лишь бы уйти побыстрее. – Рада была с тобой повидаться.

Я вышла из кафе, села в машину и помчалась по городской автостраде куда глаза глядят. Очнулась я только тогда,

когда увидела, что на автопилоте добралась до центра и стою на парковке возле набережной. Егора после этой встречи я больше не видела, но слышала о нем много историй, веселых и не очень. Лет через пять после нашей встречи он чуть не умер от сердечного приступа, едва не оставив вдовой свою молодую жену и сиротами новых детей. Потом он каким-то чудом выздоровел, похудел и даже немного помолодел.

Чуть позже его видели на свадьбе у наших общих знакомых, о чем мне в подробностях и рассказали. Егор исполнял свои поздравительные куплеты, когда хамоватые гости со стороны жениха начали выкрикивать с места нелестные комплименты в его адрес. Он резко им ответил и завязался «махач». Подвыпившие гости сдернули артиста со сцены за его модный розовый пиджак, растрепали стильную прическу и уже хотели как следует «подрихтовать ему фасад», как на помощь пришла родня со стороны невесты. Закончилось всё тем, что две стороны помирились, а весь помятый, но непобежденный Егор вскарабкался обратно на сцену и допел свою знаменитую песню: «Не найти здесь людям рая...» Зал аплодировал ему стоя!

В том-то и состоит весь смысл жизни Егора Бероева: быть у всех на виду и на слуху. Актер, музыкант, певец – ни дать ни взять, суперзвезда! Всю жизнь, оказывается, Егорка мечтал обыграть меня и перепеть. Что ж, если даже ему это удалось, то я за него безмерно рада. Мне такая слава и даром не нужна.

Звезды над кочегаркой

«Ярко светили звезды над кочегаркой, мы мирно спали на теплой кирпичной крыше, укрывшись невесомым одеялом предзвездного летнего неба» – этими прекрасными словами я хотела бы закончить мой рассказ о ночных посиделках на крыше котельной, которая была для нас местом энигмы и вдохновения. Если честно, то эта глава так бы и закончилась, тихо и мирно, если бы в сюжет не вплелись непредвиденные обстоятельства, о которых я вам и собираюсь рассказать.

Возле кочегарки на ровной площадке с перилами мы с друзьями любили собраться вечером, обсудить новости прошедшего дня и наметить грандиозные планы на завтра. Эта занимательная история, без сомнения, должна вам понравиться поэтому, не забегая вперед, расскажу всё по порядку.

Рядом с нашим домом стояла небольшая котельная, мы называли ее кочегаркой. Помните песню, «Не кочегары мы не плотники»? Так вот, это про нас. Кочегаром был дед Пантелеймон, а мы – неугомонные подростки, для нас что ни сделай – то весело и познавательно. В кочегарке стоял огромный котел или топка, как называл ее дед. Он каждый вечер выходил на работу, разжигал огонь и всю ночь подкидывал в топку дрова и уголь, чтобы у жителей окрестных домов бы-

ла горячая вода и тепло в домах. Летом, конечно, и без отопления жарко – люди по вечерам обычно ждали горячую воду, чтобы искупаться и постирать белье, но котельная работала круглый год, как часы, благодаря дедушке, которого мы ласково звали Пантюшей. Добрый был дедок, не ворчливый, и совсем еще не старый. Нам, подросткам, он спуску не давал, и если что, мог пожаловаться нашим родителям на глупые шалости и плохое поведение.

Деда Пантюшу мы очень любили, но иногда могли над ним и подшутить, что-нибудь закинув в его широкополую шляпу, которой он прикрывался от жаркого солнца. Сидит бывало дед, греется на солнышке и тихо подремывает на стульчике у дверей кочегарки. А мы, бесшабашные, чтобы разведать обстановку вокруг, обычно ближе к полудню влезаем на невысокое дерево, раскинувшее свои ветви в аккурат над спящим дедом. С импровизированного наблюдательного пункта видны море, приморский парк, дачные огороды и персиковый сад с невысокими кривыми саженцами. Бывало, заберемся мы с подругой на шелковичное дерево, под которое дед Пантюша стульчик свой ставит, и наблюдаем: ветрено ли сегодня, штормит ли море, достаточно ли хороша погода, чтобы надевать купальники и бежать со всех ног на пляж. Заодно и Пантюше в шляпу шелковицы накидаем, мелких веточек и листиков с дерева. Проснется дед, обрадуется – тут тебе и завтрак и перекус в шляпе. Хохочем, но тихо, зажимая рот ладошкой, чтобы деда не разбудить,

и чтобы он, проснувшись, не сдернул нас за ноги с дерева и не отлупил первым, что под руку попадет.

Как-то раз ко мне приехала погостить моя соученица и подруга по колледжу, Иринка. Мы с ней вместе полдня помогали по хозяйству моей старшей сестре: бегали в магазин за продуктами, мыли полы и выбивали коврики. Но разве так нужно проводить летние каникулы? Часам к двум дня мы, устав от домашних дел, отпросились у сестры сходить на море, ну жарко же! Когда мы с Иринкой прибежали на небольшой галечный пляж, облюбованный местными, там уже все собрались: моя подружка Нинель, ее младшая сестра Алинка и даже Егор с Костиком. В этот день нашей братии заметно прибавилось – в гости к соседям прибыла на отдых целая делегация двоюродных и троюродных родственников, да и местные парни почти все подтянулись. Человек двадцать пять собралось, не меньше.

Нинка, конечно же, взялась командовать и раздавать задания, чтоб никто не скучал. Она поделила всех на два лагеря и парней уложила лицом вниз на полотенца, а девчонкам предложила устроиться сверху и стала учить их приемам лечебного массажа. Нинель важно прохаживалась вдоль линии из полотенец и показывала руками по воздуху массажные движения, которые за ней усердно повторяли новоиспеченные ученицы. Приемы, разумеется, ими отрабатывались не на воздухе, а на спинах «пациентов». Ну, типа рельсы-рельсы, шпалы-шпалы – как же утомительно было

за всем этим наблюдать! Я просто ухахатывалась со своей гениальной подружки, как она ловко всей компанией заправляет, словно прирожденная комиссарша.

– Нинка, – кричу я ей, – ну ты и смешная, раздала всем задания и рада. Скажи, чтоб старались, пусть промнут шейный отдел как следует.

– А я что? – отшучивается та, – зря что ли на курсы массажа ходила аж целых два месяца? Могу передать людям какое-никакое, а мастерство.

– Старайся, Ксюха! Сильнее мни, Анка! – командует она девчонками и вдруг замечает, что я сижу без дела. – Красотка Мэри, а ты что скучаешь? Пары тебе не досталось? Так вон Веник в воде барахтается, бери его на бордаж и тащи на сушу. Сейчас организуем «пациента» и для тебя.

Девчонкам быстро надоело мять чужие спины и они, подхватившись, побежали купаться. Одна я осталась сидеть на берегу, не сообразив, что сейчас наши парни начнут чудить, как они любят. Не успела я и глазом моргнуть, как двое крепких ребят, я даже не поняла кто это был, схватили меня за руки за ноги и поволокли в воду. Самое обидное, что они не потрудились даже зайти поглубже, а бросили меня на мелководье, где я больно ударилась мягким местом о прибрежную гальку.

– Ну дождетесь вы у меня, гады! – вскричала я выбравшись на берег и потрясая в воздухе кулаком. Но про меня уже забыли, мальчишки схватили и понесли Иринку. Прав-

да, ее пожалели и занесли на руках чуть поглубже, не по колено как меня, а по пояс и в воде уже отпустили. Тут же интерес толпы переключился на шуструю Нинку, которая улепывала, сверкая пятками, чтобы нырнуть с самого края причала и спастись от чрезмерного внимания пацанвы.

– Лови, догоняй ее! – мальчишки помчались вдогонку, но не поймали бегунью. Нинка бегала, плавала и ныряла лучше всех в нашей компании, и все об этом, конечно же, знали, называя мою подругу «субмариной» за ее прыткость.

– Вот, Нина-Субмарина, опять от возмездия ушла, – воскликнул заводила и балагур Костик и с криками ура прыгнул «бомбочкой» в море, подняв тучу водяных брызг.

Вечером, когда стемнело, парни разожгли костер на смотровой площадке возле кочегарки, откуда видно было спокойное море, прошитое сверкающей лунной дорожкой, словно золотой нитью. В ночном небе стояла полная луна. Густые кроны деревьев старого безлюдного парка тихо шелестели на ветру, подпевая морскому бризу. Летняя ночь была таинственной и романтической. Мы с подружками удобно устроились на ватных матрасах чуть поодаль от огня. Обычно эти матрасы были свалены в прихожей и по надобности выносились на улицу, чтобы «товарищам отдыхающим» было на чем расположиться. Парни сидели у костра на деревянных ящиках, которые в большом количестве валялись здесь же возле кочегарки. Дед Пантюша ломал их на дрова и отправлял в печь.

– Отличный вечерок, – начал разговор Костик, – классно на море сходили, жаль только Нинку не догнали, а так хотелось проучить ее за всё.

– Что плохого я тебе сделала, Челюскин? – возмущенно воскликнула Нинка со своего нагретого места на стареньком матрасе. – Ты мне хоть и брат двоюродный, но постоянно меня допекаешь.

– Да не трогаю я тебя, Нинок, – миролюбиво произнес Костик, – я же люблю тебя по-братски, вот и воспитываю, чтоб не задавалась.

Тут к девчонкам подкрался и плюхнулся рядом Женя Кегли, хотел видно подслушать, о чем они там шушукаются. Кегли или Кегельбан – не фамилия Женькина, а прозвище, которым наградила его Нинель. Я, кстати, раньше не знала, чем игра кегельбан отличается от боулинга, меня знатоки просветили – оказывается, там шары специальные кегельные, они меньше по размеру, чем в боулинге, зато кегли намного крупнее. Ну это я так, к слову, чтоб вы были в курсе о чем речь.

Расскажу немного об истории возникновения Женькиного прозвища. Как-то вечером играли мы на площадке в любительский волейбол, человек восемь нас собралось. Из девчонок – я, Нинка и Алинка, сестра ее младшая, год разницы всего лишь между ними. С нами были Костик, Егор, Паша Буша, Жека и его старший брат Ромка. У Женьки тогда еще клички не было, ну разве что Длинным его назовут за рост

высокий. Играем мы, значит, мяч пасуем, подачи принимаем – кто руками, кто ногами, кто головой – все в нашем кругу «профи». А правила в игре такие: все участники свободно стоят кому где нравится и мяч друг другу верхней подачей пасуют – проигравших быть не должно – все чемпионы.

О чем это я? А! Вспомнила. Женька тогда стоял рядом с Нинкой и как-то очень неудачно мяч принял, ногой своей чуть было девчонку с места не сшиб. А Жека – человек от природы внушительный и крепкий – ребят остальных на целую голову выше. Думаю, он в школе увлекался баскетболом, вот и вырос выше всех. Хотел Жека ногой мяч отбить, да промахнулся, повело парня, роста-то он великанского, чуть на Нинку не упал. Не успел он извиниться, как тут же получил от нее удар словом:

– Ты что кеглями своими размахался? Не видишь – я рядом стою! Кеглястый, да? Чуть нос мне кеглями своими не сломал!

Так за Женькой прозвище Кегли и осталось с легкой руки Нинки, которая за словом в карман не лезла. Но наши парни ее «никами» не пользовались, у них свои были. Это был наш тайный девчоночий шифр, сказал – Кегли, и понятно сразу, о ком речь идет.

Так вот, Жека Кегли к девчонкам подобрался, с краю на матрас примостился и слушает, о чем они секретничают. А девочки как раз парней обсуждали, кто кому нравится и за что. Самому Женьке приглянулась Ирка, подруга моя

из колледжа, вот он клинья к ней и подбивал. Волосы у нее длинные, глаза красивые, фигурка точеная – напрочь снесло парню голову. Целый день молодой человек знаки внимания Ирке оказывал: то приобнимет, то цветочек преподнесет, а то и руку подаст, когда ступеньки или яма на дороге. Но та симпатии в ответ не проявляла, не хотела зря человека обнадеживать. Резко отказать Женьке она тоже считала неправильным и нетактичным, так что ухаживания, хоть и нехотя, принимала, а за цветочки вежливо благодарила.

– А давайте пить чай, – предложила я. – У нас дома булочки остались, я могу принести, и варенье есть.

Ребята оживились. Кто-то вытащил на свет старый самовар, который голенищем сапога раздувают. Поговаривали, что этот агрегат привез из армии старший брат Костика, который не так давно служил в засекреченной части и весь седой из армии вернулся, но о службе своей рассказывать никому не хотел. Видать – военная тайна, не подлежащая разглашению. Потом, года через два после армии, брат Костика на моей сестре женился. Детишки у них такие резвые, что только успевай за ними бегать да приглядывать. Бывало, средненький так спешит на улицу попасть, что на ноги обувь надевает ту, что в коридоре успел на бегу прихватить. Выскочит второпях на улицу – на одной ноге папкин ботинок рабочий, а на другой босоножек мамкин – и ковыляет прочь от дома, а я его уже за воротами ловлю, чтоб на дорогу не выбежало дитя малое. А девочка старшенькая у них, ну та-

кая же умненькая, любимицей моей была. В семь часов утра вставала и в парк со мной шла спортом заниматься – бегать, приседать, подпрыгивать, и водными процедурами утренний моцион заканчивать. А потом мы с ней от пляжа через весь парк домой шли, нелегко нам было карабкаться под гору, но мы терпеливо двигались вверх по склону. Спортсменкой малышка могла бы стать, но выбрала свой путь. Хорошая девчонка племянница моя, с большим потенциалом! Сейчас вот тоже в Америке живет, мы все здесь в одном городе обосновались. Замуж вышла, сыночек подрастает на маму похожий, пытливый и шустрый. Бизнес они с мужем открыли, ресторанный. Так что у взрослых детей моей сестры всё хорошо, все заняты делом и семьями давно уже обзавелись.

Когда костер почти совсем прогорел и мы, уставшие за день и разомлевшие от сладкого чая с вареньем, уже готовы были пойти домой спать, парни решили перебраться на нагретую за день крышу котельной, чтобы там переночевать.

– Давайте-ка быстренько уберемся здесь на видовой площадке и продолжим разговоры на крыше. Да и небо оттуда звездное хорошо видно, – предложил наш массовик-затейник Костик.

– Нет, с нас хватит на сегодня, мы пойдем домой, а то родители отчитают, что поздно явились, – отказалась от интересного предложения Нинка и потянула за собой Алинку.

– Не хотелось бы пропустить всё самое интересное, но что

поделать, маман заругает, – тараторила Нинель, неохотно двигаясь в сторону дороги. Было видно, что ей грустно оставлять честную братию.

– Подождите, мы вас проводим, – подхватились Вицин и Андропик, рослые молодые парни, издалека прибывшие в гости к нашим соседям. С ними мы и чудили сегодня на местном пляже. Это именно они подхватили меня и уронили в воду, чуть не покалечив, а теперь сами мне признались в содеянном, искренне раскаявшись. Я бы и рада была с ними поквитаться, ну да ладно, пусть живут! Я не мстительная.

Витька и Андрей – так их по настоящему звали, а позывные Вицин и Андропик им Костик придумал – собрались идти провожать домой Нинку с Алинкой на соседнюю улицу. К провожатым присоединился Жека и еще Веня, самый младший из всех. Если помните, он в воде барахтался, когда Нинель обучала нас массажу и хотела меня с ним в пару поставить.

Наша веселая компания знала этих приезжих пареньков уже много лет, они часто гостили здесь и жили неподалеку. Интересные такие парни, умные, симпатичные, из большой семьи. Была у них одна отличительная черта – нос картошкой, это семейное, всем досталось по наследству. Вот вроде бы всё идеально, а как на лица посмотришь – носы у ребят одинаковые, так смех и разбирает. Жека пошел девочек до дому провожать в знак солидарности, а сам на Иринку

посматривает, за реакцией ее наблюдает.

– Доброй ночи, увидимся завтра, – прощаются все, живущие по соседству, и уходят.

– А я не прощаюсь, – машет нам рукой Женька и бежит догонять удаляющуюся компанию.

– Ирчик, дождись меня, я обязательно вернусь! – обещает он моей подруге. Та только усмехается и плечами пожимает.

– Странный человек этот Женя. Зайка-попрыгайка какой-то! Носится туда-сюда, перед глазами мельтешит. Я, если честно, его только через раз понимаю, – жалуется мне подруга.

– Знаешь, Жека наш хоть и нелепый, но зато не вредный, как некоторые, и не злой. Так что, Иринка присмотрись к нему по хорошему. Может роман у вас завяжется?

– Ты с ума сошла? Какой роман, – отмахивается Иринка, – мне об учебе надо думать, хочу в институт поступать через год. Не до романов мне.

– Это когда еще будет, аж через год! А у нас сейчас каникулы. Лето – пора свиданий. Так что ты женихами сильно не разбрасывайся. Думаю, Жека с возрастом еще поумнеет и из него получится порядочный семьянин и отличный хозяин в доме. Попомни мое слово.

– И попомню, и запомню, и помяну, – обещает мне Иринка, а сама смотрит в сторону Костика Увилина, тот ей нравится гораздо больше. Хоть он не такой высокий, как Жека, и не красавчик, как Егорка, но зато веселый и общитель-

ный – «душа компании». Вот за него бы она с удовольствием пошла, если б замуж позвал. А он и позвал, но позже, когда Иринка финансовый институт закончила. Тут-то судьба и преподнесла им еще одну встречу, угадайте где? Не буду опережать события. Думаю, от меня вы еще не раз услышите об этих героях.

Мои добрые слова о Женьке сбылись. Сейчас он тоже живет в Америке, недалеко от нас, много работает, счастливо женат, и растит двух сыновей. Я встретила его как-то случайно в продуктовом магазине – возмужал и похорошел. Увидев меня, Жека несказанно обрадовался и пообещал всене-пременно пересечься в ближайшее время, но только в более подходящей обстановке и познакомить меня со своей женой и сыновьями.

Когда почти все участники посиделок разошлись по домам, те немногие, кто с нами остался, быстро расчистили от ящиков и мусора место на видовой площадке и поспешили вскарабкаться по приставной лестнице на плоскую крышу котельной. С улицы не было видно, есть ли кто на крыше, потому что по краю ее располагался широкий каменный бортик. Забравшись на кочегарку, можно было почувствовать себя полностью изолированным от чужих взглядов.

– Наверное, мы с Иринкой домой пойдем, очень спать хочется, – сказала я Костику который уже успел взобраться на крышу и смотрел на нас сверху.

– Пожалуйста, не уходи, – обратился ко мне Егор неожи-

данно, – ночь такая волшебная, смотри, какие крупные звезды, и море фосфорится.

У меня аж мурашки пошли от слов его приятных, вот ведь какой романтик. Ну как отказать такому неотразимому?

– Давайте еще немного посидим и потом все дружно пойдем спать, – предложил Костик.

Парни затащили на крышу несколько ватных матрасов, всё тех же, списанных из местного санатория, которые отец Костика складировал на даче, и удобно на них расположились, мечтательно глядя вверх на звездное небо. Неожиданно снизу мы услышали какой то шум, грохот и чертыхание – проводив всех по домам, вернулся наш длинноногий Жека. Передвигаясь в темноте, он пытался нащупать приставную лестницу, чтобы забраться по ней на крышу, и с грохотом ее уронил. Потом споткнулся о деревянную колоду, налетел на ящик и увяз ногой в куче угля. Мы с Иркой перевесились через бортик крыши и, разглядев в темноте всю комичность ситуации, дружно засмеялись.

– Потихе вы, перебудите всех соседей. Сейчас они в милицию позвонят, – зашикал на нас Костик и тоже вылез из укрытия, чтоб посмотреть, что там делается внизу.

– А ну стоять! – это он уже Женьке сверху приказ отдал. – Не шуми, стой тихо.

Жека поднял голову и громко зашептал: – Ребята, помогите мне отсюда выбраться, я хочу к вам на крышу.

Он заискивающе нам улыбнулся и в призрачном свете лу-

ны показалось, что его улыбка отделилась и повисла в воздухе, напоминая улыбку Чеширского Кота из сказки «Алиса в стране чудес».

– Смотри, лестница вон там – она сбоку от перил упала. Подставь ее к стене и лезь наверх, – Костик выдал ценное указание непутевому Женьке.

– Жека, только не шуми, – прошу я, – а то все в доме проснутся и нам с Иркой от сестры достанется. Бери себе матрас и полезай наверх.

– Понял! – обрадовался Жека и огромными шагами поспешил к дверям нашего дома, вдвое согнувшись, чтобы быть как можно незаметнее.

– Куда!? – вскричал Костик, не сдержав эмоций. – Вернись, там засада!

Наблюдать с крыши за бегущим вприсядку Женькой было утомительно и мы держались из последних сил, чтоб не помереть со смеху.

– Куда ты поперся? Спалишь же хату! Всё, нам хана! И тебе, Длинный, тоже хана, – зашикал Егор, который вместе с нами оперся на бортик и наблюдал за «марафонцем». В переводе на нормальный язык сказанное означало: «Ты, Женька, почти что рассекретил наше тайное убежище, сейчас придут люди и разгонят всех по домам, а виноват будешь только ты».

Внизу все матрасы были нами разобраны, так что Женьке пришлось подняться в комнату, где жили мальчики. В тем-

ноте он схватил первый попавшийся под руку матрас, взвалил его на спину и, слегка приседая, побежал по дороге обратно к кочегарке. Мы наблюдали за его действиями и направляли:

– Левее бери! Осторожно, там колода!

– Как бы нам не засветиться, – заметил Сашка, брат Костика, он тоже сидел с нами на крыше и долго думал, прежде чем подать голос.

– Бегаёт туда-сюда как марафонец. Того и гляди, контору спалит. Вот увидят его родственники или соседи, всем тогда влетит, – раздраженно шепчет Егор.

Не успел Жека добежать до перил, чтобы взять упавшую лестницу и приставить ее к стене, как его полусогнутую фигуру осветили яркие фары подъехавшей к зданию котельной машины. Как будто в блокбастере про Дикий Запад, мы увидели в свете «софитов» огромный силуэт ковбоя в шляпе, сапогах и пончо, наброшенном на плечи. Это тень Женьки, подсвеченная фарами и в разы увеличенная легла на стену кочегарки. Наши головы мгновенно исчезли за бортиком крыши, и мы, давясь от смеха, упали плашмя на свои матрасы и замерли не шевелясь, почти не дыша.

– Кто здесь безобразничает? – услышали мы низкий женский голос.

– Ты кто такой? Куда матрас тащишь? – вторил ему голос на пол октавы выше, но принадлежащий мужчине.

Конечно, мы их узнали, это прикатили домой родные тетя

и дядя Костика и Сашки. Немолодая уже семейная пара была дружной, как попугаи-неразлучники, и никто никогда не видел их порознь. Жили они в доме напротив и всегда ставили свой новенький, до блеска натертый автомобиль в тупике возле котельной.

«Моя букашечка», – ласково называл дядя свою машину и нежно полировал ее красные бока.

«Автомобиль у нас качественный, импортный!» – радовалась удачному приобретению тетя.

«Они бы лучше два мопеда купили», – бормотал дед, каждое утро обходя «удачное приобретение», загородившее ему дорогу.

«Кто башмак потерял?» – смеялись мальчишки, показывая на компактную машину, напоминающую пузатую божью коровку или нечаянно сорванную ветром кабинку колеса обозрения.

Наверное, все соседи потому считали пожилую семейную пару людьми зажиточными и чванливыми, что они много путешествовали и мало с кем делились рассказами об этом, сувениров из поездок не привозили и подарков никому не дарили. А может еще из-за того, что они только вдвоем жили в большом каменном доме, имели огромный плодовый сад, нигде не работали, но ни в чем себе не отказывали. И гостей они к тому же не любили, потому что «гости в доме – как Мамай с Золотой Ордой прошел, убирай потом за ними и сантехнику чини».

Рассекретив наше местоположение благодаря Женькиной неуклюжести, семейка неразлучников разогнала нас по домам, пообещав пожаловаться не только нашим родителям, братьям, сестрам и остальной родне, но и кому-то там еще, стоящему выше нас в таблице о рангах. И конечно же, ночные посиделки запомнились нам на многие годы. Мы потом долго со смехом и удовольствием вспоминали и пересказывали друг другу эту недлинную историю о долговязом Женьке и его ковбойской тени на стене котельной, которую засветила наша «разведка». Об этой чудаковатой агентурной парочке я обязательно расскажу подробнее.

Как много осталось еще не рассказанного! Воспоминания юности стремятся наружу прозрачной росой образов и каплями слов на травинках памяти. Плавные строки неспешно выходят на поверхность, превращаясь в золотые ручейки мудрости и становясь мерно текущей рекой понимания. Массой фраз эта река медленно плывет по своему руслу, насквозь прогретому лучами воображения. Безудержные потоки принимают в себя кристальную воду явственности и текут по каналам разума, по пути наполняясь идеями, образами, и аллегориями. Полноводные реки расширяются в своем устье, чтобы впасть в бездонное море писательской фантазии. Моря становятся океанами, океаны стихиями, стихии галактиками, а дальше – бескрайний и неизведанный космос.

Тайная агентура и хлам из чулана

Самое время рассказать о наших бдительных соседях и по совместительству, родственниках. Звали дядю высокопарно и торжественно – Гаваон Пантелеймонович. Такое замечательное имя родители выбрали своему ребенку не случайно, а с посылом, что когда он вырастет и выучится, то станет гениальным, а возможно даже знаменитым, ведь Гаваон означает «возвышенный», а если сокращенно, то Гаон – «гений». У тетушки, жены гения, имя было попроще, но не лишенное изящества. Тетю звали Цецилия, а если чуть короче, то Цили – мы ее так всегда и называли.

В поисках значения редкого имени тетушки, вот что я узнала: «Врожденная самодостаточность Цили делает ее независимой женщиной, для которой любовь в паре не является главной, однако спутник жизни ей крайне необходим для поддержания высокого королевского статуса». Далее говорится, что для Цили характерна строгость в одежде, солидность в поведении и благочестие в характере. Однако, за ее напускной строгостью обязательно скрываются доброе сердце и жертвенная душа. Прекрасное описание характера тетушки, лучше и не скажешь!

У Гаваона особо выдающихся качеств не было, ну разве что его терпеливость и немногословность (я всегда считала, что Сашка Увилин свою тихушность унаследовал имен-

но от дядьки). Однако, если дело касалось смиренномудрия, то тут все индивидуальные черты Гаона проступали на свет божий. Дядька хоть и немногословным был, но когда вопрос стоял об обращении грешника на пути праведные, здесь поток назидательных речей не иссякал. К слову, консервативная чета Гаона и Цили была достаточно религиозной и с удовольствием соблюдала обряды, традиции и уставы.

Дядька искренне желал, чтоб все близкие по его примеру могли бы жить благочестиво, ежедневно каяться и смиряться. Он мог целыми днями тенью за кем-то ходить и втихари наблюдать, чем человек занимается. Бывало, подкрадется Гаон к кому-нибудь из родственников, за руку внезапно схватит и тут-же уличит «злодея» в беззаконии. И не важно в каком, главное было тут же на месте объяснить, где человек оплошал, да так, чтоб тот почувствовал себя глубоко виноватым, погрешил ли он устами, очами, или мыслями. И хотелось Гаону, чтобы чувство вины не покидало нечестивца и не давало бы тому покоя, аж пока он сам прегрешение свое не осудит. А после, как падет человек в покаянии, грехи ему будут отпущены и примет праведник благодать неизреченную...

«Дорогой автор, ох и сильны же вы преувеличивать!» – скажет, возможно, мой читатель, и здесь я спорить не буду. – Да, историю я сильно приукрасила, но мне ни капли не стыдно. Просто все эти события именно в таком свете мне и виделись тем летом, когда мы с друзьями отдыхали у родствен-

ников. С вашего позволения я продолжу свой рассказ.

Сидим мы как-то вечером в комнате на первом этаже, расположились там, где было чуть прохладнее. За окном ночные птицы поют и цикады стрекочут, а мы с ребятами в комнате музыку негромко слушаем. Сидим, чай пьем и ничего такого не делаем, в чем можно молодежь упрекнуть. Соблюдаем социальную дистанцию, как сейчас говорят, время приятно проводим, шутки шутим и разговоры ведем. Вдруг в широко распахнутом окне со стороны сада появляется чье-то бледное обличье и загробным голосом произносит:

– Добрый вечер!

Мы все аж с мест своих повскакивали.

– И чем вы тут занимаетесь? – допрашивает нас «тень отца Гамлета».

– Да, вроде бы, ничем плохим не занимаемся, чай пьем и музыку слушаем, – сказал самый смелый из нас, а у остальных от увиденного в окне привидения дар речи пропал.

Теперь-то мы узнали Гаона и с облегчением выдохнули, зато он никак не унимался:

– А не пора ли вам по домам расходиться?

– Может быть и пора, – отвечает ему Костик. – Скоро уже разойдемся.

– По-о-нят-но, – разочарованно тянет дядька и спускается с деревянного ящика, на который он залез, чтоб заглянуть в окошко первого этажа.

– Ну я тогда пойду? – спрашивает, обернувшись.

– Идите, дядя Гаон, – осмелев, отвечаем ему хором. – Тете Циле привет передавайте. – И силуэт родственника мгновенно растворяется в темноте, как будто его за окном и не было. Наверное, побежал докладывать жене, что в округе всё спокойно и молодежь ведет себя чинно, пристойно, благоразумно и целомудренно.

Вот с тех самых пор мы и стали называть тихую семейную пару, живущую по-соседству, «тайной агентурой». Дядя Гаон, опять же с подачи Нинки-Кислинки, получил прозвище Цыпа, ходит, мол, тихо на цыпочках и за всеми подглядывает. Нинель нас заверила, что дядькино прозвище отлично сочетается с именем его жены Циля, в чем никто, конечно-же, и не сомневался.

Как же мы чудили по молодости, не передать словами, но я все-таки постараюсь. Убирались мы как-то вдвоем с Нинкой в верхних комнатах, разумеется, не по своей воле – так бы мы сейчас на пляже загорали. Прибраться на этаже и поменять белье попросила моя сестра, потому что вот-вот должны были заехать отдыхающие, а ей не хватало времени, она нас наверх и отправила. Закончив уборку, мы вышли на балкон подышать свежим воздухом. Постояли, полюбовались видами и зачем-то полезли в незапертую кладовку, где и наткнулись на старые, пропахшие плесенью вещи. Кто притащил в новый дом и свалил в чулане сигнальный жилет, строительную каску, кирзовые сапоги, лохматую шапку-ушанку, допотопную люстру с пластмассовыми висюль-

ками, лыжи, палки, веревки, тряпки и прочий хлам, навсегда останется загадкой.

Хоть мы с Нинкой и Алинкой больше не живем по соседству, но продолжаем активно общаться: часто созваниваемся, иногда они ко мне приедут, а иногда я к ним. Нинкины родители недавно переехали в загородный поселок вместе с детьми, вещами, котом, морской свинкой и разлапистой пальмой в кадке, говорят, там экология лучше, море чище и отдыхающих меньше. Упомянув чистое море я вспомнила, как мы с подругами всегда мечтали побывать в круизном путешествии, и однажды устроили себе катание по морю на белоснежном лайнере. Я постараюсь не забыть рассказать об этом чуть позже. А сейчас давайте вернемся и заглянем в кладовку, где кто-то втихаря складировал свои старые вещи, а потом про них забыл.

Итак, было полуденное время сна, это как сиеста в Испании, но у нас всё значительно проще и называется обычным словом – разморило. Уложив детей спать и оставив их на мое попечение, сестра ушла в магазин за продуктами. На своем посту у кочегарки мирно подремывал дед Пантюша, слегка раскачиваясь в кресле-качалке, откуда-то взявшимся вместо привычного плетеного стульчика. У ног деда возлежал дворовый пес Барбос, смешно шевеля носом и подрагивая во сне. Кто-то из ребят, у кого сегодня был выходной, загорал на старом диване, стоявшем на смотровой площадке, а кто-то сидел и пил квас за столиком под навесом. Под ореховым

деревом разогревался Сашка, готовясь залезть в импровизированный водоем — он делал махи ногами и крутил руками, как ветряная мельница.

Вода в ванне, которую с трудом притащили и поставили под тенистое дерево двое крепких парней, была почти ледяная. К заплыву бодрый физкультурник подготовился заранее, потому что прежде чем нырнуть в ванну, он налил туда воду из шланга, а потом принес из холодильника и высыпал целую коробку льда. Саня смело перелез через бортик ванной, сделал резкий выдох и погрузился в воду как бегемот, не издав ни звука, а вот если бы кто-то из нас полез в ледяную воду, то визгу было бы на весь двор. Сашка с удовольствием лежал в глубокой ванной и похоже дремал. По крайней мере со стороны орешника не доносилось ни звука ни всплеска. На улице стояла липкая июльская жара и всех разморило, ну разумеется, всех кроме нас с Нинкой.

Пока дети спали, у нас было время, чтобы разведать обстановку вокруг и немного пошалить, как Карлсон который живет на крыше. Мы тихонько пробрались на третий этаж и вышли на балкон комнаты, в которой недавно убирались. Дом стоял на косогоре, северной стороной на треть в скале, а фасадом он выходил к югу. Сверху мы видели абсолютно всё: море, тенистый парк, дремлющего деда, видовую площадку, и участок с ветвистым деревом, под которым в ванне релаксировал Сашка.

Мы с Нинкой переглянулись и поняли друг друга без слов.

Саня временно поселился в одной из гостевых комнат с балконом. Так почему бы, пока он дремлет, не украсить нижний ярус забавными вещами из кладовки и не устроить Сашке праздник, Новый год например. Ну и что, что в июле, зато как нарядно будет выглядеть его балкон с лыжами, палками, шапкой-ушанкой и сапогами-скороходами. С элегантным канделябром, наконец, увешанным пыльными подвесками. Чем тебе не елка? Заодно и старые вещи проветрим, чтоб не пахли так резко.

Давясь от смеха и крадучись, чтобы заранее не выдать себя, мы тихонько привязали к веревкам всё, что нашли в кладовке на балконе верхнего этажа, и спустили это великолепие вниз до уровня окон Сани-молчуна. Каково же было удивление Сашки, когда он зашел после купания в дом, переделался в комнате, выбрался на балкон, чтобы развесить полотенце, и там увидел нарядный праздник, прямо у себя перед носом. Откуда-то сверху пышными гирляндами свисали кирзовые сапоги, лыжи с палками, шапка с растопыренными ушами, связка дырявых носков, яркий жилет, рабочая каска, люстра-канделябр и еще много всего, что в хозяйстве пригодится. Тут уж мы с Нинкой не выдержали и прыснули смехом, да так звонко, что стекла в доме зазвенели. А Саня задрал голову вверх, увидел нас и погрозил кулаком, не произнеся при этом не звука. Мы скатились по наружной лестнице вниз, хохоча как ненормальные.

– Ой, не могу, – в голос ржала Нинка.

– Караул! Держите меня семеро, – вторила я подруге. – Новый год в июле, вот так сюрприз.

– Нет, ну ты подумай, сколько ценных вещей в хозяйство к Сашке прибыло. Подарки от деда Мороза принимай-ка дружище! – складываясь пополам и хватаясь за живот, рыдала от смеха Нинель.

– Пойду на детей гляну, – еле отдышавшись сказала я подруге, – ты своим хохотом наверное всех разбудила. – Я сбегала вниз по каменным ступеням еще на один пролет и зашла с южной стороны на свой этаж. Во дворе резко стало тихо.

Нинка осталась стоять на площадке перед котельной. На нее уставились четыре пары пытливых глаз: дед Пантюша, прекративший монотонно раскачиваться в кресле, пес Барбос, застывший в недоумении с открытым ртом, парень, мирно дремавший на солнышке и резко вскочивший с дивана от шумного переполоха, и человек в тени беседки, который поперхнулся квасом, когда дремавший неожиданно вскочил с дивана. Правда, он смог на Нинку пытливо посмотреть только после того, как хорошо прокашлялся. И только Саня Увилин не проявил никаких эмоций. Он пожал плечами, покрутил пальцем у виска, зашел в комнату, и плотно затворил за собой балконную дверь.

Мечтай, энгони. Мечты сбываются

«Бойся желаний своих», – говорят часто люди и даже шутку такую придумали: «Кто чего боится, то с тем и случится – боюсь разбогатеть и похудеть». Вот и я всегда боялась, то бишь мечтала красиво петь, играть в музыкальной группе, сочинять музыку, писать песни, стихи и романы, быть успешной в своей профессии. А еще хотела путешествовать по всему миру, пусть не часто, но и два раза в год было бы отлично. Бабушка учила меня мечтать красиво, потому что мечты имеют свойство сбываться, если, конечно, очень захотеть. Вот именно поэтому, в память о своей дорогой бабушке, я неуклонно шла к намеченной цели. Пусть медленно, но уверенно двигалась к заветной мечте. Не сказать чтоб через тернии к звездам, как в крылатом выражении, уж чего-чего, а звезд я с неба никогда не хватала, но у меня задуманное всегда получается.

Сейчас я сижу в удобном кресле трансатлантического лайнера и лечу через океан в самое сердце Греции, Афины, о чем и собираюсь написать отдельные путевые заметки. По правую руку от меня возле окошка устроился младший сын Андрей, он летит со мной на родину моих предков и мечтательно разглядывает плывущие за бортом облака. Я беру телефон, чтобы записать туда свои воспоминания.

Память возвращает меня в детство, где я совсем еще дев-

чонка, держу маму за руку и бегу в гости к любимой бабушке Сандре. Она была гречанкой как по крови, так и по духу: статная пожилая женщина, с красивым античным профилем и горделивой посадкой головы. Родилась Сандра еще до революции, в самом начале прошлого столетия и жила в греческом поселении на южном берегу Тавриды. После войны Сандру с ее вторым мужем и моей мамой, которая была тогда еще ребенком, по приказу погнали на выселки в Сибирь, где они ютились в землянках и сильно голодали. В чем греки, татары, армяне и болгары провинились, за что они попали под репрессию и за три дня были депортированы из Крыма, никому не известно. Когда жестокий тиран умер, пострадавшие от репрессий люди получили разрешение вернуться на свою родную землю. Но Сандра и ее муж-армянин остерегались повторных гонений и, услышав что греческие поселения есть и в Приазовье, отправились туда.

Бабушка много рассказывала мне о послевоенной жизни и обучала своему родному наречию, а было мне на тот момент лет пять. На всю жизнь запомнила я слово *chartánai* (хартанай), даже не знаю, греческое оно или нет. В словарях такого я не нашла, видимо, это было какое-то старинное наречие. С подачи моей бабушки хартанай означало – «добренькая и миленькая бабуля, которая печет пирожки и очень любит своих внуков». Помню ее вьющиеся волосы, уложенные в косу вокруг головы, грациозную шею, округлый подбородок, нос с горбинкой, густые брови и мечтательный взгляд

карих глаз, такой я увидела Сандру на старом портрете, где она запечатлена еще совсем молодой. Эту семейную реликвию бабушка сохранила во время депортации и оставила нам в наследство. К сожалению, мы не смогли забрать с собой эту и другие ценности, когда спешно переезжали, но образ с портрета до сих пор хранится в самом надежном месте – моем сердце.

– Подойди поближе, корицаки (κορίτσακι), – зовет меня бабуля, – Корици означает «девочка» по-гречески, а корицаки – «девчушка» или «малышка», – объясняет она.

– А еще такие слова, как ясас, эвхаристó, калимера и калиспера тебе нужно запомнить, если хочешь научиться понимать по-гречески, – все ее слова сохраняются на полочках моей памяти.

На тот момент мы жили в городе Жданов Донецкой области на Украине, где бабушка Сандра нашла свою тихую гавань после сибирской ссылки и где родились мы с сестрой. А через пару лет мы всей семьей переехали жить в Крым, на родину бабушки Сандры. Уже позже, когда изобрели интернет, я прочитала, что греки Приазовья – третья по численности этническая группа и одна из самых крупных грекоязычных общин на постсоветском пространстве. А как греки попали на Крымский полуостров, тоже очень интересная история.

Эллины начали переселение на полуостров Таврида много веков назад. Самым первым греческим поселением стал

Пантикапей, в настоящем – Керчь. Там, на горе Миртидат поселенцы выстроили укрепленный город, дав ему название Акрополь, по примеру храмового места в Афинах, столице Греции. Еще одним важным населенным пунктом был Херсонес Таврический, расположенный на месте современного Севастополя на юго-западном побережье полуострова. Этот город портовый, наряду с Феодосией и Судак. Когда греки высадились на Крымском полуострове, они дали ему название Таврида, что значит «земля тавров» – все эти знания остались у меня еще со школы, где мы проходили историю крымских народов, античность и средневековье.

Будучи уже взрослой, я вернулась в те места, где прошло мое детство и юность, и специально взяла гида-экскурсовода, с которым мы могли бы пройти по знакомым мне местам. Он меня узнала следующее:

«Когда-то переселенцы из Греции занимали только прибрежные районы Тавриды, поэтому весь полуостров нельзя было назвать греческим. Но во времена классической античности торговые пути часто связывали территории, расположенные на склонах Крымских гор с греческим причерноморьем. Так в степном поселении Старый Крым при раскопках были найдены старинные медные монеты, чеканные барельефы и глиняные статуэтки, изображавшие древнегреческих богов и героев античных мифов. В древнейших по возрасту городах Кафа и Судак до сих пор сохранились стены и башни Генуэзской крепости, построенной генуэзцами для

защиты своих владений от врагов».

А пока я еще маленькая пятилетняя девочка, бабуля укладывает меня спать и на сон грядущий заводит свой рассказ:

– Давным-давно, – говорит Сандра, – город Феодосия был важной морской гаванью для караванов Шелкового пути, отсюда тяжело груженные корабли отправлялись в другие страны. Шелковым путем называлась длинная-предлинная дорога в песках. Через пустыню шли караваны верблюдов, которые несли на своих горбах тяжелые тюки с товарами. В те времена верблюдов называли кораблями пустыни. Они были очень полезными животными, ведь без них шелка и другие дефицитные товары из Индии и Китая не смогли бы попасть на другую сторону земли. Ценные изделия и животные грузились на парусные суда, которые выходили из порта и плыли в Средиземное море через пролив Босфор. Корабли шли очень долго, сначала по спокойному, а затем по бурному морю и доставляли дорогие ткани и шелка, саженцы и семена диковинных растений, восточные сладости и экзотических зверей к далеким берегам.

– Бабуля, а что такое экзотические звери? – открыв глаза, спрашиваю я. Мне очень интересно ее слушать и я помню, всегда удивлялась, откуда бабушка столько всего знает.

– А это, малышка, такие очень редкие животные, которых люди не встречали в своих родных краях. Тигры и слоны, например, жили только в Индии. Арабских скакунов разводили в Египте – эта чистокровная порода лошадей считалась

особенно ценной, потому что кони бегали быстро, как ветер.

— Город, где мы с тобой живем очень старый, ему аж две тысячи и пятьсот лет, представляешь? — бабушка любила пересказывать мне истории прошлого. — Греки плыли по морю, долго плыли и вдруг увидели землю, которая была божественно красива, именно на ней они захотели поселиться. Греческие моряки так и сказали, земля эта — Богом данная — то есть, Феодосия.

— Спи красавица, засыпай, — баюкает меня бабуля, а сама не спеша продолжает, — Чудесная здесь земля, что только не растет в наших краях — и виноград, и персики, и дыни, и алыча, и много-много всего. Ох, что-то о продуктах заговорила и сразу есть захотела, пойду, наверное, чаю попью.

Под монотонный голос бабушки Сандры я сладко засыпаю, и мне снятся величественные корабли пустыни — верблюды, плывущие с товарами через барханы, арабские скакуны, нарядно украшенные лентами, и полосатые тигры, крадущиеся на мягких лапах. Рядом с верблюдами идут слоны, которых в Индии считают священными животными и у которых прочные как столбы ноги. Отчего-то во сне я вижу спелые дыни с базара, уложенные в большие плетеные корзины — их несут на своих плечах люди в пестрых тюрбанах.

А потом бабушка умерла. Я очень по ней скучала, но мама сказала что сейчас наша Сандра живет в небесном городе, где тоже есть море, горы, деревья, цветы и яркое солнце, а вот ночи там нет. Позже йййя (γιάγιά — бабуля) явилась ко

мне во сне и остановилась неподалеку, красивая как ангел. Сандра смотрела на меня и тихо улыбалась, вероятно, хотела мне что-то сказать. Я так обрадовалась ее приходу, что не задумываясь подбежала к ней и воскликнула:

– Бабушка, я так давно тебя не видела. Где ты сейчас живешь?

Сандра протянула руку и жестом меня остановила, не дав приблизиться и обнять ее. Она перестала улыбаться и строго, как в детстве, на меня посмотрела, а после сказала:

– Я на небесах, но хочу быть еще выше, – ее голос я услышала мысленно. Если я правильно поняла послание Сандры, то даже оказавшись на небесах, нам будет к чему стремиться, о чем мечтать.

– Что же мне делать без тебя? – задала я ей такой важный вопрос.

– Поверь в чудо, энгони, – ответила моя небесная эллика. – И однажды ты своими глазами увидишь мою страну.

Теперь, когда я думаю о моей бабушке, я представляю ее молодой, в удлиненной белой тунике, с золотым венком на голове и гибкой ветвью оливы в проворных руках. Под прекрасную мелодию моя хартанай танцует ее любимый греческий танец и воспевает красоту небес над своей родиной, Элладой. А энгони в переводе с греческого означает «внучка».

Вернемся на борт воздушного лайнера, который летит через Атлантику в Европу. Я предаюсь воспоминаниям, увле-

ченно печатая в электронный блокнот сюжеты из детства, а Андрей сидит рядом и читает какой-то американский бестселлер.

– Так я могу продолжить начатый разговор? – спрашиваю его и откладываю в сторону свой телефон.

– Без проблем, – отвечает младший сын, убирая книгу. Он уже такой самостоятельный, мой рано повзрослевший ребенок.

– Что я могу для тебя сделать в качестве подарка на восемнадцатилетие? О чем ты мечтаешь?

– Подарок ты мне уже подарила, большое спасибо, день рождения мы отпраздновали и, получается, мечту мою ты тоже исполнила.

– Каким образом? – удивилась я его заявлению. – Не может быть чтоб наши мечты совпадали! Ты тоже думал о Греции?

– Не совсем так. Я давно мечтал побывать в Европе и очень рад, что ты спланировала наш тур и оплатила билеты на самолет.

– Ты не представляешь, как я рада, что у нас всё получилось и скоро мы будем на месте. Мне просто не терпится увидеть Афины.

– Мама, ты молодец! – хвалит меня Андрей. – Ты очень хорошая, спасибо тебе за всё.

Ровно десять лет назад я записала свою мечту отдельным пунктом в «журнал желаний». Десять лет назад, день в день

я сказала себе: «Хочу полететь в Грецию, Италию и Испанию. Пусть так и случится!» Потом навыврезала кучу фотографий из еженедельников, перерыла все сайты с видами, турами, отелями и знаковыми местами, флаеры туристические собрала и сделала из них в альбоме коллаж о будущем путешествии. Я готовилась серьезно – как же долго я шла к своей мечте, не сомневаясь, что в один прекрасный день сойду с трапа самолета и ступлю на землю эллинов, воспетую самим Гомером.

– А ты знаешь, кто такой Гомер? – проверяю, знает ли сын что-нибудь о творческих людях древней Греции. – Так вот запомни, друг мой, Гомер – это легенда! Он – самый известный древнегреческий поэт и автор таких бессмертных произведений как «Илиада» и «Одиссея».

– Не волнуйся, мама, мы в средней школе проходили по литературе историю и мифы древней Греции. Там были разные сказания о богах Олимпа и мифических чудовищах. А кто такой Гомер, я тоже в курсе, мы читали отрывки из его поэм на уроках, – отвечает мой умный сын, с отличием окончивший школу. Всё-то он знает!

– А что ты можешь рассказать мне об этой стране?

– Я узнал, какая Греция красивая и замечательная, – он свободно делится просмотренной в ютубе информацией. – Греческая культура особенная, с американской не сравнить. Люди там тоже интересные: живут, работают и никуда не спешат. Да и о греческой кухне можно долго вести разговор. Я,

например, очень люблю гирос с бараниной, блюдо – высший класс, пять баллов из пяти!

Какой парадокс – лучшие в округе гирос, долму, клефтико и некоторые другие греческие блюда можно заказать неподалеку от нашего дома, в армянском продуктовом магазине, в отделе деликатесов. Гирос представляет собой двухслойную лепешку, в которую завернуты сочная баранина, мягкая брынза, хрустящий лук, зелень, помидорчики, сметана и майонез – еда очень вкусная и сытная. Я часто покупала детям разные кушанья, в том числе и сочные гирос, с любовью приготовленные поваром-греком, колдующем на кухне у армян. Страна у нас многонациональная, чего только здесь не попробуешь! Интересно, скоро ли стюардессы нам подадут обед? Уж больно аппетит разыгрался.

Перелет будет долгим – через Атлантику лететь десять часов и времени свободного у меня предостаточно. Редко бывает, чтоб часами сидеть и ничего не делать, поэтому пишу наброски для моей уже второй книги. Есть такая пословица: «назвался груздем – полезай в кузов». Так вот и у меня вышло, раз я назвалась писателем, то надо творить и дальше, а иначе, что это за прозаик с одной готовой книгой? Вспоминаю, как планировала к своему 45-ти летию закончить и издать первый роман «Свидание двух созвездий», и ведь получилось же! Мечтала, что в будущем моя книга станет бестселлером и покорит сердца многих читателей – так ведь и это лишь вопрос времени. Как я люблю повторять – планы у ме-

ня наполеоновские, самые что ни на есть грандиозные – исполнение всех моих желаний уже на за горами.

Говорят, что в 45 баба ягодка опять, а я и не баба, и не ягодка. Я обычный человек, у которого и трудностей хватает, и радостей хоть отбавляй. Из достижений – я многого добилась сама, как в профессии, так и в жизни. Три моих сына уже совсем взрослые, не нарадуюсь ими – умные, честные, самодостаточные. Достоинства их перечислять можно бесконечно, дети выросли – настало и мое время пожить для себя и прислушаться, чего душа желает. А пожелала она хотя бы на десять дней взять паузу от всей этой жизненной коловерти, отодвинуть в сторону заботы и бесконечные дела, и махнуть на другой конец света через океан в страну мифов, легенд и фантазий. Сказано – сделано, такое веселое путешествие нам устрою, что запомнится надолго.

А теперь плавно совершу пассаж от темы отпуска к вопросу исполнения желаний и опишу свой недавний визит к подруге. В прошлые выходные я решила навестить свою приятельницу Ирину. Если помните, мы с ней вместе учились в колледже, потом она уехала поступать в финансовый институт и наши дороги разошлись. А после окончания учебы она вышла замуж за Костика Увилина и вместе с его многочисленным семейством попала в Америку. Молодожены отчалили за океан в страну иммигрантов на год раньше меня и теперь мы почти соседи, живем через квартал.

К дому Ирины я захотела прогуляться пешком, стоял при-

ятный осенний денек и я с удовольствием вышла подышать свежим воздухом. Моя прогулка заняла меньше получаса и, входя в уютное жилище подруги, еще с порога я учуяла запах жареной картошечки с грибами и соленых огурчиков. В большой комнате стоял изысканно сервированный на две персоны стол, а радушная хозяйка, вытирая руки о нарядный фартук с оборочками, выплыла из кухни, чтобы меня поприветствовать.

Мы с Ириной стараемся хотя бы раз в неделю устроить маленький девичник и посидеть за бокалом вина – вспомнить молодость или какой-то смешной фильм посмотреть в ее домашнем кинотеатре. А Костик всё время работает – он уезжает в дальние рейсы и дома его почти не бывает. Вспоминать былое любит в основном Ирина – в который раз она мне рассказывает об учебе в институте и о своих завидных женихах, которые стояли в очереди, пока Костик всех не обошел. Потом она начинает жаловаться на родственников мужа, какие они тихушные и вредные, намекая и на Костика – он много работает и мало уделяет ей внимания. В это время я уплетаю за обе щеки кулинарные шедевры Ирины и одобрительно ей киваю, а она расценивает мой кивок как знак солидарности.

Моя подруга не только отлично готовит, но и в доме у нее всегда полный порядок: всё лежит на своих местах, натертый до блеска пол слепит глаза, а поверхности сверкают такой чистотой, что завидно – нигде нет ни пылинки. Я ценю

ее талант, потому что сама готовлю изредка и только самое простое – могу, например, кашу сварить или картошку. Дома у меня тоже не так всё идеально, как у Ирки. Тешу себя мыслью, что человек я творческий и мне нужно время, чтобы творить, а остальное, можно сказать, мелочи жизни – как в рекламе йогурта: «И пусть весь мир подождет!» Трапезничая мы с подругой – едим разносолы с картошечкой и мило общаемся, никуда не торопясь. Я уже было поднесла ко рту вилку с насаженным на нее крепким огурчиком (замечу, что овощи Ирина выращивает сама и заботливо их солит, закручивая в баночки, а на праздники ее домашняя консервация с удовольствием съедается друзьями и родственниками), как неожиданно слышу от нее коварный вопрос, от которого так и застыла с разинутым ртом и столовым прибором в руке.

– А ты ищешь себе кого? – спрашивает Ирка и ждет, пока отомру.

– В смысле ищу? – мои зубы сомкнулись и я громко хрустнула корнишоном. – Мужчину мечты, что ли?

– Ну да, – подтверждает Ирина.

– Интересный вопрос! Я на эту тему не так давно рассуждала. Хочешь узнать, какой он, мужчина моих грез? – Ирка радостно кивает, а я достаю из сумочки телефон, в котором записаны мои мысли.

– Я тут сделала кое-какие наброски, пожалуйста, слушай и не перебивай, как ты любишь.

– Знаешь песню об идеальном парне: «Чтоб не пил, не ку-

рил и цветы всегда дарил»? – тут же перебивает меня подруга и хохочет, не запариваясь тем, что имеет дурную привычку.

– Ну, типа того! – улыбаюсь и подмигиваю ей. – Да, а еще чтоб зарплату отдавал, тещу мамой называл и так далее по списку. Ир, не смейся меня, а то я смеюсь и букв не вижу.

Ирка убавляет звук хохота и сидит, тихо посмеиваясь, а я читаю: «Пусть мой суженый-ряженный будет высоким, спортивным, веселым и добрым...»

– Я недавно один любовный роман прочла, – снова прерывает меня Ирка, сама того не замечая. – Так вот, там главный герой, brutальный такой, загадочный весь из себя, всю дорогу развлекал главную героиню тем, что прятался от нее, а она его искала и никак не могла найти.

– Стой, – говорю, – какая же ты несносная! Дай мне хоть на минуту в эфир выйти! Продолжаю: «Чтоб мужчина, которого я скоро встречу, был с пышными волосами – маленькое уточнение – на голове, а не под мышками и не на спине. Чтоб щедрым был, подарки мне дарил и возил отдыхать на курорт».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.